

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА КРАСИЛЬНИКОВА

КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВ В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДАХ 1920-х гг.

канд. ист. наук
Новосибирский государственный
технический университет
e-mail: katrina97@yandex.ru

В статье рассматриваются коммеморативные особенности празднования годовщин Октябрьской революции в административных центрах Западной Сибири 1920-х гг. Автор выявляет исторические корни октябрьских праздничных практик, характеризует их значение для репрезентации определенных форм коллективной памяти и выражения политической солидарности. Прослеживается 10-летняя историческая эволюция коммеморативной составляющей торжеств в Новосибирске, Томске, Омске и Барнауле.

Ключевые слова: октябрьские торжества, коммеморация, политика памяти, места памяти, городские праздники.

Советские массовые праздники 1920–1930-х гг. все чаще становятся объектом внимания как отечественных, так и зарубежных ученых [1; 2; и др.]. В частности, предметом исследования немецкого историка М. Ральфа стало идеологическое и культурное значение советских праздников для общества. Он попытался показать контекстуальную и эстетическую взаимосвязь торжеств 1920–1930-х гг. (в том числе проходивших в Новосибирске) с российскими праздниками имперского периода, советскими праздниками послевоенного времени, а также с торжествами тоталитарных Германии и Италии. Однако тема советских праздников и их смысла может быть рассмотрена и под другим углом зрения. По нашему мнению, продуктивные результаты могут дать выявление и интерпретация коммеморативной составляющей массовых торжеств.

Коммеморация – это сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации о прошлом путем увековечения определенных лиц и событий [3, с. 1]. В сценариях советских официальных праздников 1920-х гг. коммеморации использовались прежде всего для определенных репрезентаций коллективной памяти и выражения политической солидарности. Однако смысл октябрьских торжеств и выражающие его практики заметно менялись под влиянием политики государства и социально-экономических условий в стране. Цель настоящей статьи – охарактеризовать коммеморативные особенности октябрьских торжеств 1920-х гг. в основных административных центрах Западной Сибири – Новосибирске, Томске, Омске и Барнауле.

Еще до Октябрьской революции в городах Российской империи сложился стереотип празднования «высокоторжественных и викториальных дней»: военный парад, крестный ход, торжественная литургия или молебен, торжественное заседание городской думы, собрания в клубах, народные чтения и бесплатные театральные постановки на исторические, политические и религиозные темы. В 1920-е гг. преемственность с имперским периодом в организации праздников сохранилась. Октябрьские торжества также предполагали военный парад, демонстрация заменила крестный ход, митинг – молебен. Кроме того, проводились торжественные заседания администрации города и различных учреждений, устраивались бесплатные зрелища. Каждый структурный элемент праздника и до, и после революции актуализировал коллективную память, укреплял идентичность социально-политических групп, расширял их границы.

В начале 1920-х гг. официальный нарратив Октябрьской революции и Гражданской войны только складывался, перед партийными отделами агитации и пропаганды встала непростая задача формирования и трансляции в массы советской версии революционных событий в столице и на местах. Но революционные события еще жили в социальной памяти различных групп городского населения, имевших на эти события собственный взгляд. Представители власти должны были обобщить, унифицировать и дополнить живую память горожан элементами, которых не хватало для построения логичной и относительно полной картины революции в данном регионе. Грубое навязывание обществу придуманной версии революции могло обернуться ее неприятием. Поэтому власть не только прямолинейно излагала в печати и на массовых собраниях собственное видение революции, но и стремилась активно использовать участие очевидцев событий 1917 г. в формировании официального «октябрьского» нарратива, который должен был стать основой коллективной памяти сибиряков.

Так, уже 6 ноября в городских клубах, на предприятиях, в советских учреждениях и учреждениях культуры устраивались массовые вечера воспоминаний. Такие мероприятия в обязательном порядке

организовывались во всех губернских и уездных городах Сибири¹. Их организация опиралась на традиционную практику дореволюционных праздничных тематических народных чтений в гимназиях, библиотеках и клубах. До революции также существовала традиция записи и широкого распространения с идеологическими целями воспоминаний участников и героев войн. Политическая роль подобных практик усилилась в 1920-е гг. Официально цель таких вечеров состояла в изложении «правдивой» версии революционных событий их очевидцами для фиксации истории революции «по горячим следам». Докладчики, представлявшие свои воспоминания на этих вечерах, позиционировались как свидетели и участники величайших событий мировой истории, обладатели практически сакрального знания и опыта. Казалось бы, уникальные и сугубо индивидуальные воспоминания на самом деле предварительно тщательно обрабатывались организаторами октябрьских торжеств. Видимо, докладчики не сомневались в правомерности такого метода «проработки памяти» в деталях, ведь в целом они доверяли представителям власти и опытным организаторам выступлений, «помогавшим» им построить речь. Такие рассказы, будучи транслированы в массы, расширяли коллективную память собравшихся за счет сюжетов, полезных для легитимации власти большевиков, укрепления революционной идентичности и привлечения в партию новых членов.

Важно то, что уже в начале 1920-х гг. на вечерах, посвященных революционным воспоминаниям, звучали и рассказы о «первой советской власти» в Сибири, о «колчаковщине» и ее свержении. Обсуждение этих тем на «октябрьских» вечерах было необходимо для формирования массовых унифицированных представлений о результатах революции, ее значении и цене победы революционных идеалов. Темы и программы докладов планировались заранее. Выступая, мемуаристы использовали выверенные пропагандистами доклады. Иногда организаторы вечера заранее решали не допускать того, чтобы участники этих мероприятий начинали «делиться воспоминаниями» (не согласованными заранее)². Несомненно, «в кулуарах» революционеры и подпольщики свободно говорили о пережитом. Но такие беседы не становились достоянием массового слушателя, который приобщался к революционному опыту героев через публично озвученные, но не совсем достоверные воспоминания. Обычно организаторы вечеров сами выступали с краткими обобщающими докладами о причинах революции, ее завоеваниях, всемирном значении и т. п. Эта информация должна была формировать у масс вполне определенные оценки и заполнять лакуны в коллективной памяти, которая без «проработки» неизбежно оставалась бы противоречивой, фрагментарной и нелогичной.

В начале 1920-х гг., когда «октоторжества» еще не приобрели застывший, официально-формализованный вид, вечера воспоминаний проходили в обстановке, накаленной эмоциями: здесь было место и восхищению, и гневу, и слезам³. Завершались вечера концертами с исполнением революционных песен, декламацией революционной литературной прозы и стихов, демонстрацией живых картин («отдельные моменты жизни Красной армии, капитала и труда и т. п.»⁴). К концу вечера эмоциональный накал достигал апогея, в восприятии участников вечера происходило смешение личных воспоминаний с воспоминаниями других выступавших и официальной трактовкой событий, художественного и документального, вымышленного и пережитого. Беспартийных участников вечеров изначально привлекал именно этот момент⁵. Воспоминания воспринимались собравшимися, включая рассказчика и организаторов вечера, на веру, а значит, без особых препятствий соединялись с бытовавшей живой коллективной памятью, вытесняя ее отдельные, идущие вразрез с официальным нарративом элементы. Заметно, что в конце 1920-х гг. выступления очевидцев революционных событий приобрели «репертуарную» предсказуемость, а общий тон всем рассказам задавал какой-нибудь официальный доклад на актуальную для того времени политическую тему.

Признавая большое значение вечеров воспоминаний с точки зрения агитации и пропаганды, партия требовала максимального привлечения к этим мероприятиям и «беспартийных товарищей». Такие вечера воспоминаний становились более массовыми. Они выполняли функцию формирования коммеморативного нарратива, а также способствовали созданию необходимой для следующего праздничного дня эмоциональной атмосферы.

Утром 7 ноября начинались массовые торжества на улицах. К главному политическому празднику нередко приурочивали закладку и открытие новых революционных памятников, а также мемориальных досок, занимавших иногда старые места памяти. До революции городские власти также стремились приурочить к официальным государственным праздникам и памятным датам культурной жизни основание или открытие церквей, часовен, памятников и различных социальных учреждений.

7 ноября 1921 г. в Барнауле заложили памятник на могиле жертв революции (так началось формирование мемориальной аллеи на проспекте Ленина). Во время закладки все духовые оркестры и певцы исполняли похоронный марш и «Вечную память». Музыкальный фон сближал эти действия с «красным» похоронно-поминальным обрядом. 7 ноября 1922 г. в Новониколаевске произошло торжественное открытие памятника на

1 Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1359. Л. 4.

2 Центр документации новейшей истории Томской обл. (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.

3 ГАО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1341. Л. 4.

4 Там же. Д. 1338. Л. 56.

5 Там же.

братской могиле (так началось создание сквера Героев Революции). В 11 утра на Красной площади выстроились воинские части, рабочие и партийные организации. Выступил с торжественной речью председатель Сибисполкома. Речь сопровождалась похоронным маршем, а после ее окончания заиграла жизнеутверждающая музыка, было снято покрывало, скрывавшее памятник, символически соединивший, как иконописный образ, прошлое, настоящее и будущее. Скорбное поминовение героев перерастало в торжество. Такое соединение скорби и радости ассоциативно связано с религиозной традицией почитания мучеников. Известно также, что 7 ноября 1925 г. в Томске заложили памятник В.И. Ленину⁶. В конце десятилетия перед октябрьскими торжествами приводили в порядок братские могилы; на зданиях, связанных с революционными событиями, размещали соответствующие таблички⁷.

Изначально поминовение павших борцов за идеалы Октябрьской революции являлось смысловой доминантой плана торжеств⁸. Места памяти о революции – здания, где заседал Совдеп, где была провозглашена Советская власть, и т. п. – украшались временными мемориальными досками и альми флагами; братские могилы павших бойцов маркировали торжественным караулом и красной материей. Братским могилам наибольшее внимание уделялось во время утренних массовых торжеств⁹. Маршрут движения демонстраций пролегал по центральным улицам, обычно уже переименованным, к главным площадям с революционными названиями. Конечной целью демонстрантов обычно становились братские могилы – новые сакральные места.

Посещения могил в праздники и празднования на могилах восходили к еще языческим традициям. У братских могил разыгрывались элементы «красного» похоронного обряда: участники действия традиционно укладывали на могилы новые венки, снимали шапки с голов, опускали знамена; в духе новой традиции исполняли «Интернационал» и похоронный марш, клялись продолжать дело, начатое погибшими героями. Такие действия, как и открытие памятников, разрушали в сознании их участников обычные временные границы между прошлым, настоящим и будущим, условно оживляя павших героев.

В начале 1920-х гг. обязательно устраивались митинги у братских могил, на которые традиционно возлагались цветы. Но с 1923 г. торжества в западносибирских городах становились все более массовыми, зрелищными и оптимистичными. Коммеморативные действия у братских могил практически прекратились в 1924 г. По плану демонстрации 1928 г. в Новосибирске колонны ее участников проходили лишь мимо братских могил на пути к Гостеатру, где завершалось шествие¹⁰. Типичной для официальных планов «окторжеств» стала формулировка: «Можно, если будет время, вспомнить участников великого переворота»¹¹. Заметно, что серьезные и драматичные коммеморативные практики начала 1920-х гг. сменялись театрализованными и карнавальными элементами шествия демонстрантов, живыми картинами, выражавшими актуальные политические идеи. Так, новосибирское карнавальное шествие 1929 г. должно было демонстрировать темы: «События на КВЖД», «Пятилетка» и пр.¹²

Дореволюционные торжественные заседания городских дум зачастую предварялись панихидой или божественной литургией. В начале 1920-х гг. торжественные заседания горсоветов и других организаций также начинались с минуты молчания в память о борцах, павших за идеалы революции. Далее зачитывались доклады, посвященные жертвам революционной борьбы и последним достижениям советской власти. Со временем памяти «погибших героев» на торжественных заседаниях уделялось все меньше внимания. В этой связи стоит упомянуть Омск, где в начале торжественного заседания горсовета в 1926 г. почтили память В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского вставанием под звуки похоронного марша¹³. Однако более тенденциозным является следующий факт: 7 ноября 1927 г. на торжественном заседании научных работников томских вузов ректор Томского государственного университета и ректор Сибирского технологического института «осветили» лишь «достижения советской власти в деле высшего образования» и тему «Индустриализация и вуз», не углубляясь в историю, и уж тем более не драматизируя ее¹⁴.

В городах Западной Сибири на примере октябрьских торжеств четко прослеживается политика государства относительно коллективной памяти. В начале 1920-х гг. торжества являлись напоминанием обстоятельств и цены установления советской власти. После ареста А.В. Колчака в Сибири началась активная мемориализация жертв героев революции и Гражданской войны, важнейших сражений. Показательно, что в Сибири до 1922 г. октябрьские торжества совмещали с празднованием победы над Колчаком. Позже эту памятную дату стали отмечать 14 декабря. Омичи ежегодно праздновали и годовщину «освобождения» своего города (14 ноября). С приходом к власти И.В. Сталина утратила актуальность идеологически обусловленная

6 ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.

7 ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 48.

8 Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

9 ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 307. Л. 29.

10 ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 2.

11 ЦДНИТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1115. Л. 2.

12 ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 2.

13 Торжественное заседание в Гортеатре // Рабочий путь. 1926. 8 нояб.

14 Государственный архив Томской обл. (ГАТО). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 1449. Л. 48 об.

жертвенность революционного поколения. Лишь во время октябрьских торжеств 1924 г. особенно акцентировалась роль В.И. Ленина в революции¹⁵. 7 ноября стало поводом для того, чтобы не только еще раз вспомнить вождя и выразить скорбь по поводу его утраты, но и во всеуслышание повторить, что дело его живо и никогда не умрет. Историками уже замечено, что до 1927 г. празднования были ориентированы прежде всего на формы воспоминаний важнейших октябрьских и послеоктябрьских событий. Празднества последующего времени были направлены уже на современность [3, с. 13], на легитимацию действовавшего режима.

К середине 1920-х гг. для партийного руководства стала очевидной «шаблонность» октябрьских торжеств, повторявшихся из года в год. К десятилетнему юбилею революции было решено разнообразить содержание торжеств: привлечь сведения о революционных событиях на местах, актуализировать значение революционных памятников. Это решение было подготовлено активным сбором в 1925–1926 гг. сведений о конспиративных квартирах революционеров, местах маевки и пр. Но заметно, что основная идеологическая задача торжеств состояла уже не в поминовении жертв революции, а в формировании у населения убеждения в прогрессивном развитии страны после революции. Начиная с 6 ноября по клубам зачитывались доклады об успехах экономического развития страны за последние десять лет. Для лучшего восприятия этих идей на улицах развешивались изображения графиков и диаграмм, отражавших экономический рост. Новая идеологическая доминанта становилась также основой лозунгов, содержания праздничных речей и тематики театрализованных представлений. Важно подчеркнуть, что во второй половине 1920-х гг. Октябрьская революция именовалась «Октябрьским переворотом». Торжества были ориентированы на популяризацию идеи «Октябрьского переворота как первого этапа диктатуры пролетариата в борьбе пролетариата всех стран»¹⁶.

Заметно и влияние контекстов социально-экономической жизни страны на «окторжества». Разруха начала 1920-х гг. не позволяла пышно отмечать праздники. В 1920 г. ЦК РКП(б) постановил не устраивать 7 ноября демонстраций, шествий и парадов из-за материальных проблем. Но Сиббюро добилось разрешения на торжества в сибирских городах и на их украшение. Однако в этом и в следующем годах не было демонстраций, празднества 7 ноября ограничивались митингами, торжественными собраниями в клубах, концертами и бесплатными революционными спектаклями. В 1920 г. в Новониколаевске произошло хищение дорогостоящей красной материи, предназначавшейся для украшения города¹⁷. В 1921 г. западносибирские города вовсе не получили средств на декорирование

зданий и братских могил, организаторам праздника предложили воспользоваться прошлогодним декором. Зато уже в 1923 г. праздничное декорирование стало гораздо разнообразнее: появилась иллюминация, многочисленные лозунги, зелень и цветы. В 1924 г. Новониколаевск получил для декорирования 2 тыс. м только красной материи¹⁸. В 1926 г. в Томске братскую могилу к 7 ноября украсили флагами, зеленью, красной материей, желтым песком, красными звездами и цветными лампочками¹⁹. Вероятно, и это многоцветье вводило мысли горожан от скорби по жертвам революции, канувшей в прошлое, к праздничному ликованию гораздо более благополучного этапа середины и второй половины 1920-х гг.

Итак, в 1920-х гг. в административных центрах Сибири октябрьские торжества по сценариям и по функциям были очень похожи на дореволюционные государственные праздники. Как отмечалось: разработчики сценариев советских праздников, с одной стороны, стремились использовать сильно действующую на эмоции человека эстетику христианских ритуалов, с другой – не были способны ее

15 ГАНО. Ф. П-13. Оп. 1. Д. 962. Л. 56.

16 Там же. Л. 70.

17 Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1156. Л. 9а.

18 Там же. Л. 2.

19 ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1115. Л. 237–238.

преодолеть [1, с. 87]. На традиционной культурной основе власть внедряла отдельные коммеморативные практики для формирования выгодного ей метанарратива революции. К середине 1920-х гг. из дня памяти и скорби 7 ноября превращается в день торжества успехов современного развития экономики, социальных достижений. Репрезентации коллективной памяти в октябрьских торжествах становятся унифицированными и схематичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мальшиева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.
2. *Ральф М.* Советские массовые праздники. М., 2009.
3. *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012.

*Статья поступила
в редакцию 20.02.2012*